

АВАНСЦЕНА

Магнитогорский драматический театр им. А. С. Пушкина, кажется, наконец-то обрел нового главного режиссера. После 5 лет отсутствия в его стенах главного идеолога художественного процесса вакансия эта была предложена заслуженному деятелю искусств России, лауреату Государственной премии, обладателю Гран-при «Золотой маски», режиссеру Борису Цейтлину.

Пока ГОРИТ свеча

Сегодня вместе с магнитогорской труппой он работает над постановкой спектакля по Уильяму Сарояну «Мама, я люблю тебя». А на состоявшейся недавно пресс-конференции новый главный режиссер изложил присутствовавшим на ней представителям средств массовой информации города свой взгляд на дальнейшее развитие Магнитогорского драматического театра. Во-первых, заявил он, в репертуаре не должно быть рядовых спектаклей. Во-вторых, театр на сцене должен быть «живым», и в этом смысле сам Борис Ильич тяготеет не к «закрепленности» состояния актера в спектакле, а к «этичности» постановок, позволяющей максимально проявиться актерской природе. Шекспировская «Буря», поставленная им некогда в Казанском ТЮЗе и завоевавшая «Золотую маску», была, как утверждает он сам, «одним большим этюдом» и именно этим оказалась интересна.

Кстати, Шекспир – один из любимых драматургов Цейтлина. Его пьесы он ставит гораздо чаще, чем произведения других зарубежных авторов и русскую классику. Причем за драматургию Чехова, которая, считает Борис Ильич, является на самом деле «романами, написанными в форме пьес», он вряд ли решится взяться когда-либо вообще. Тем не менее, театр собирается восстановить ахадовскую «Чайку», попытка возрождения которой предпринималась ранее в совместном проекте Магнитогорского драматического и Русского театра драмы Башкортостана. Кроме того, в перспективе главный режиссер планирует постановку одного из самых «непостановочных» и, может быть, потому наиболее притягательных произведений Михаила Булгакова – «Театрального романа». Впрочем, подобные проекты требуют, в первую очередь, дополнительных финансовых ресурсов, так что от

подробного рассказа обо всех своих грандиозных замыслах Борис Ильич пока предпочел воздержаться...

Сегодня в драматическом театре полным ходом идут репетиции новой музыкальной сказки «Шляпа господина Андерсена», над постановкой которой работают актер и режиссер Сайдо Курбанов и балетмейстер театра Геннадий Бахтерев. В январе зрителю планируют представить «Гамлета» в постановке Виктора Шраймана. Далее мы увидим Сарояна в постановке Бориса Цейтлина... А пока, отметив в Самаре 150-летие дружественного творческого коллектива – Академического театра драмы им. М. Горького и побывав в Оренбурге на фестивале «Гостинный двор», Магнитогорский драматический собирается на днях принять участие в акции по борьбе с наркоманией, которая пройдет в декабре в Перми. Здесь магнитогорцы представят зрителю один из лучших спектаклей своего репертуара – «Любовные письма» в постановке Михаила Скоморохова. Словом, театральный сезон – в самом разгаре...

Вера СЕРГИЕНКО.

АНАЛОГ

Борис Цейтлин:

«Если театр может умереть, ЗНАЧИТ, ОН ЖИВЕТ»

Когда Владимир Досаев предложил Борису Цейтлину занять должность главного режиссера Магнитогорского драматического театра, тот первым делом спросил: «А чего вам от меня надо?» И это шло не от нежелания соглашаться, а от привычки четко ставить цели. И достигать их.

Приглашая Бориса Цейтлина в Томск, тамошний губернатор поставил условие – «Золотая маска» в течение одного сезона. Что и было сделано. Недостатка в предложениях поручиводить театрами у такого профессионала не было. Магнитогорск привлек его тем, что тут от него хотели не сиюминутной славы, а «большой, серьезной» работы. Все лето шли переговоры, режиссер знакомился с театром, с труппой. И, наконец, дал согласие возглавить актерский коллектив.

Рассказывает Борис Ильич Цейтлин:

– Творческие планы сводятся не только к тому, ЧТО играть, но и КАК играть. Это гораздо существеннее. И мы хотим, чтобы в театре было как можно меньше рядовых спектаклей. Каждый спектакль, каждое представление – это особое состояние актеров. Если смотреть с этой точки зрения, то требуется и другая форма работы – форма актерских этюдов, которые в результате и будут спектаклем.

– Вы уже начали работу в городе. Какое у вас мнение о Магнитогорском театре?

– Магнитке крупно повезло. Во-первых, здесь есть хороший профессиональный коллектив, а во-вторых, я не могу назвать другого такого города, кроме Петербурга и Москвы, где за небольшой промежуток времени работали два больших режиссера – Шрайман и Ахадов. Это все-таки элита режиссуры России. И не зря они работали здесь. В одном из своих выступлений, которое к театру не имело никакого отношения, вице-мэр Москвы Шанцев, говоря, что в маленьких городах легче поддерживать спорт, сказал такую фразу: «...Возьмите Магнитогорск, там же ничего нет кроме хоккейной команды и хорошего театра». Это дорогого стоит. В разговоре на совершенно другие темы магнито-

горский театр был упомянут как хороший образец признаваемый и в Москве!

– То, что драмтеатр Пушкина пять лет работал без главного режиссера, как-то сказалось на состоянии труппы?

– Режиссёр – это ещё не весь театр. Его вклад лишь половина дела. Вторая половина – актёры. Поэтому отсутствие режиссёра вовсе не означает конец театра. Настоящий артист формы никогда не теряет. Может теряться форма спектакля, декорации, что-то еще, но мастерство остается. Я состоянием труппы в целом доволен. Театр здесь живой. И моя задача – чтобы он оставался живым. И вот этюдный подход в этом очень помогает. Чтобы было понятно, поясню, что имеется в виду. Слово репетиция происходит от французского «повторять». То есть артист учит роль, а потом просто повторяет то, что уже делал. Не всегда это так, но само слово накладывает определенный отпечаток на деятельность. А этюд это другое: проявление душевного состояния в конкретный момент времени. Это всегда что-то новое. Как у художников. Перед тем как написать картину художник делает этюды. Они могут не войти в картину, но этюды настоящих мастеров стоят в музее.

– Художники не эчны, а как театры?

– Как ни жаль, но такое случается.

Однако это ещё не повод для расстройств. Ведь если театр умер, то он жил. Не умирает только то, что мертво изначально.

– В своей работе вы ориентируетесь на то, что интересно зрителю или на то, что интересно Вам?

– Я всегда считал такую постановку вопроса неправильной. Не надо разделять интересы зрителя и режиссера, актеров. Ведь человек зачем приходит в театр? Совсем не из-за сюжета. Человек приходит в театр посмотреть актерскую игру – воплощение чувств на сцене. Если актёры играют плохо, то никакой сюжет не поможет. Поэтому надо сделать так, чтобы актерам было интересно играть, интересно снова и снова выходить на сцену. Тогда и публика это почувствует, и в ней может пробудиться интерес. А пробудить его насильно нельзя. Раньше любили такие призывы, как «Увеличьте охват масс!» Одно из проявлений этого – групповое затаскивание школ в театр. Любителями театра после этого никто не становится, а вот неприятие появляется у многих. По статистике, постоянно театры посещают около полутора процентов населения, и цифра эта особо не меняется уже многие годы. Поэтому ориентироваться надо прежде всего на интерес актеров, тогда и публика будет приходиться и получать удовольствие. Во всяком случае, шанс есть. А если актёры играют без души, то и шанса нет.

– Не получится ли так, что, поработав немногo, вы уедете, и театр снова останется без режиссера?

– Загадывать наперед ничего нельзя. Скажу следующее: когда директор театра позвонил мне и предложил приехать в Магнитогорск, я не собирался становиться главным режиссером, думал, может, поставлю один-два спектакля и все. Но в процессе нашего с ним общения открылись новые перспективы. Возникла возможность реализовать кое-какие интересные проекты. И я понял, что эти проекты требуют полномасштабного руководства труппой. Вахтовский метод тут не подходит. Планов множество и если все получится, то мы еще не скоро расстанемся.

Михаил ВИХРОВ.
Фото Игоря ПЯТИНИНА.

ВЫСТАВКИ

В городской картинной галерее открылась персональная выставка нашего земляка, члена Союза художников России, бывшего студийца народной изостудии комбината Андрея Камалова. Андрей Камалов входит в Международную ассоциацию художников фантастического реализма. Окончил художественно-графическое отделение Магнитогорского государственного педагогического института в 1977 году. Его работы выставлялись в Москве, Владивостоке, в США, Японии, Франции, Индии, Италии, приобретены многими музеями и осели в частных собраниях.

Личность в искусстве

Трагический и таинственный мир образов живописи и графики Андрея Камалова есть не только проявление его личности в искусстве, но и опосредованный отклик на смутную невразумительную эпоху, в которой всем нам довелось жить.

Настоящее, серьезное и сильное искусство России, не жалемое в советское время, мелькнувшее ярким своеобразием в период перестройки, ныне опять ушло в мастерские, маленькие выставочные залы, закрытые частные коллекции и домашние вернисажи друзей. Наиболее престижные и известные выставочные залы вновь заполнила конъюнктура, но только уже не агрессивного социализма, а слащаво-вкрадчивого салонного искусства, иногда грубо реалистического, иногда с претензией на интеллектуальность и загадочность.

Кому нужно сложное и мало понятное, вопрошающее и теребящее душу творчество? Но искусство развивается по своим законам. Оно имманентно по своей сути и не зависит от желаний публики.

Персональная выставка Андрея Камалова являет собой тот редкий ныне пример творчества, когда духовная жизнь поколения не скрыта за благополучием постановочных натюрмортов, мифологизированных пейзажей или откровенного китча. Его искусство вобрало в себя не только ветер перемен, несущий то энергию жизни, то стылость стагнации общества, но и близкую его личности идею пассионарности, впервые введенную в научное и общественное сознание историком философского направления Львом Гумилевым.

Осознание себя как художника, живущего в особой био-географической среде и особом культурно-историческом пространстве, началось еще в конце 1980-х годов. Земля Приморья находится на стыке не только водного и земного континентов, но и на стыке культур. Это место, где встречаются и соприкасаются между собой западная и восточные культуры. Место, где древние восточные культурные традиции неизъяснимым образом влияют на менталитет современников с европейским лицом. Первые опыты с пространством, фактурой и культурными реминисценциями были показаны на первой персональной выставке Андрея в 1987 году в Приморской картинной галерее. В серии «Раковины» художник органично продолжает темы великих китайцев. Его большие офорты смотрятся как фрагменты свитков, в которых раковины превращены фантазией художника в подводные города или живые существа, наделенные волей и разумом. Они обладают огромной притягательной силой благодаря не только своей укрупненной форме, но и сложной технике офорта с использованием резерважа, тиснения и цветной печати. Это вызывает желание прикоснуться к ним и ощутить руками работу художника.

В творчестве приморских художников социальный и политический контекст почти не проявляется, тем интереснее был опыт проводимых почти ежегодно на рубеже 1980-90-х годов выставок группы «Штиль», в которую входили восемь художников из Владивостока, включая и автора данной экспозиции. Индивидуальное творчество каждого из них не было социально заострено, но стоило им только устроить совместную выставку, как основным эффектом ее становилась политизированность атмосферы экспозиции. Так, центральной экспонатом выставки 1993 года была трехчаст-

ная композиция двух авторов: А. Камалова и В. Серова «Житие...». В картине, похожей внешне на часть иконостаса, зритель увидел не только намеки на древнюю иконопись и канонизированность персонажей, перекочевавших в клеима этой «алтарной композиции» прямо из гробов «Миллионки», но и своеобразную антиутопию конца XX столетия.

Космогония и историзм двух работ середины 1990-х годов – «Пассионариум» и «Бредущие» проникнуты идеей преемственности человечества и наследования традиций прошлого, но и в них ощущается также некий надлом, усталость человека как биологического вида. В работах этого периода явственно проступают идеи эсхатологического коллективного сознания конца XX столетия.

Растворенность человека в живой природе, его малость перед лицом этой Вечности – наиболее ярко проявляется в цветной графике, имеющей продолжение в его пластических опытах.

Живопись, ручная и печатная графика, книжная иллюстрация и почти миниатюрная пластика, роспись по керамике, экслибрисы – движение художника в пространстве, времени и культуре конца второго тысячелетия.

Марина КУЛИКОВА, искусствовед.

